

Золотой идол Хархана

ЕКАТЕРИНА СМОЛЕВА

6+

Екатерина Владимировна Смолева

Золотой идол Хархана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41164356

SelfPub; 2019

Аннотация

Времена меняются, человеческая природа – нет. Воинская доблесть и произвол царей, коварство и хитрость, любовь и предательство – и все это глазами... сусликов, которые живут под ногами людей, мечтающими оставить след в вечности. Ты их не видишь? А они есть. Они все запомнят и все расскажут внукам.

Глава 1.

Весна, как всегда на Байкале, пришла тихо-тихо, ночью, когда никто не слышал ее осторожных шагов. Еще вчера кушали и рвали с земли снежное одеяло колючие ветра Сагаалгана, как вдруг утром пригрело солнышко, сморщился и потемнел снежный покров. Радостно затараторили поползни и синицы. Нежась под солнышком, раскрыли мохнатые сиреневые чашечки цветки сон-травы. Кап-кап-кап! – застучали, срываясь с сосновых лапок, прозрачные капельки воды. Одна из них, самая смелая, упав на землю, не разбилась, а схватила за руку подружку и потекла ручейком все дальше, дальше, вниз, под горку, в ямку!..

А в ямке – на самом деле это была норка – спал суслик Доржо. Всю зиму он, свернувшись клубочком под боком у своего дедушки, смотрел сны о теплом солнышке и так засмотрелся, что едва не проспал весну. Но храбрая капелька шлепнулась с потолка ему прямо на нос.

-А-а-пчхи! – сказал Доржо и проснулся.

Он понюхал воздух и понял, что происходит что-то замечательное. Настолько замечательное, что оставаться в норке больше не было никакой возможности! И, не трогая мирно храпящего дедушку, Доржо подтянулся и выглянул наружу.

Песня суслика

Словно платье степь надела,
Очень стало хорошо!
Значит, будет нынче дело
И для суслика Доржо!

Я найду в траве саранку,
Слаще сахара она.
Я проснулся спозаранку,
А вокруг уже весна!

Доржо выкатился из норки кубарем и немного покувыркался, выбивая из шубки пыль и разминая затекшие за зиму лапки. А вокруг уже всюду цвели подснежники, почти такие же синие, как небо.

– Нарву-ка я букет, – решил Доржо. – Дедушка проснется – вот обрадуется!

И он побежал к полянке на берегу. Стебли у цветов были толстенькие, мохнатые и очень крепкие! Так что он даже успел устать, когда заметил под одним из кустиков сон-травы что-то блестящее. Вот чудеса! Это была странная загогулинка из ярко-желтого металла, то ли цветок, то ли звездоч-

ка, да еще и с ключочком сверху. Что же это может быть? Суслик раньше никогда такого не видел. И Доржо поскакал обратно в норку.

Дедушка уже проснулся и сидел на пороге, тревожно поглядывая в сторону моря. Он понял, что внук побежал встречать весну, но начинал беспокоиться. И тут появился запыхавшийся Доржо с букетом и новостями.

– Деда, погляди-ка, – закричал он еще издали. – Я нашел такую странную штуковину! Это, наверное, кусочек солнца – смотри, как блестит!

– Нет, внучек, – засмеялся старый суслик. – Это, конечно, не солнце... Но вещь интересная. Человеческие женщины носят такие в ушах. Они думают, что так будут красивее...

– Да ты что? – ахнул Доржо. – Такие уродины?! И им помогает?!.

– По-моему, не очень... Но эта к тому же еще и старинная. Я думаю, она лежит тут с тех пор, как люди затеяли строить золотого идола... Тогда из всех селений Бескрайней степи несли люди золото в стан хана Хархана. Долгая это история...

– Деда, расскажи!..

– Рассказать? Ну, слушай...

****

Давно это было. Первый суслик был тогда малышом-несмышленишкой, который только начал высовывать нос из норы, а солнце на небе висело так низко, что по вечерам, опускаясь спать на тот берег Байкала, иногда подпаливало вершины сосен. Для нас, сусликов, время течет незаметно... А люди отмеряют века правителями. Так вот, в те годы правил Бескрайней Степью Великий Хан Хархан. Тысячи и тысячи воинов служили в его армии. Больше, чем травинок в степи, было скота в его стадах. Сундуки в его казне ломались от золота – вот этого желтого металла, что ты нашел. Люди его ценят дороже жизни...

Сильный это был человек и могучий воин. Не один десяток лет сидел он на троне и земель завоевал немало. Целые рода платили ему дань! Велика была его слава в Бескрайней степи... Но слава земная – дым костра, без следа тающий в небе. Все чаще думал хан Хархан, что будет, когда он отправится в земли предков...

Глава 2.

С вечера Хархану нездоровилось. Ломило поясницу, ныли колени. Так всегда бывало перед дождем. Но небо было бледно-голубым, мутным, как будто подернутым дымкой пыли, и влагой в воздухе даже не пахло.

«Как давно я не ходил под дождем с непокрытой головой», – подумал хан. «С тех пор, как стал ханом», – услужливо подсказала ему память. Все и всегда старались ему услужить. Безропотно отдавали ему лучших овец и коней, безропотно шли войной брат на брата по одному его приказанию. Лучшие красавицы степи, черноокие и чернокосые, как кроткие лани, склоняли перед ним головы, трепеща. Проси, что хочешь, великий Хан! Все исполнится тот же миг, да продлятся дни твои на земле.

А дней оставалось все меньше. Каждый новый восход отнимал у него частичку жизни, ничего не обещая взамен: все на свете попробовал хан Хархан, все испытал. Блеск золота пресытил его, кровь врагов утолила жажду славы, покорность красавиц наскучила. Чего желать еще, он не знал.

Рано утром вышел Хархан из дома, одним резким жестом приказав слугам не следовать за ним.

– Вот этот камень лежал здесь, когда я был мальчишкой, –

думал он, присев на валун у коновязи перед дворцом. – Я играл перед ним в бабки косточками из ног черного жеребенка. И так же играл в бабки мой отец, и дед мой, и дед его деда... Воины умирают. Только камни остаются лежать там, где были, и тлен не властен над ними. А я уйду к отцу моему и деду, и кто вспомнит меня, мальчика, играющего в бабки? Смелого воина? Грозного хана? Лишь этот камень. Но кому он сможет обо мне поведать? Безмолвие и забвение – вот и мой удел...

– Великий Хан изволил предаться раздумьям?..

Хархан поднял голову.

– Кто здесь? Это ты, Сундалат... Вовремя ты пришел сюда, советник. Вели собратья мудрецам. Скажи им: Великий Хан Хархан знает, что дни его на земле сочтены. Даю им срок три ночи: пусть придумают, как сделать так, чтоб дни славы его на земле были бессчетны.

***

– Деда, а что такое слава? – Доржо потер лапкой нос, отгоняя нахальную бабочку. Заслушавшись деда, он сидел так неподвижно, что летучая приняла его за древесный сучок.

– Слава? Ну, это когда все тебя знают, все тебя боятся, и детям рассказывают, какой ты великий суслик...

– А зачем?..

– Чтоб и они тоже боялись, и своих детей учили...

– А зачем?

– Затем! Неугомонный ты! Это людские дела. У них так принято: кого боятся, тот и молодец. На вот, съешь саранку. Сладкая. Будешь дальше-то слушать?

– Буду, деда!

– Ну слушай...

***

Глава 3

Недалеко от ставки хана Хархана, в селении на самом берегу моря, жила девушка по имени Жаргалма. Это имя значит – «счастье», но саму ее вряд ли можно было назвать счастливицей: она родилась дочерью простого рыбака и больше знала в жизни труда и лишений, чем безоблачной

радости. Но черные глаза ее редко показывали людям слезы: где бы ни появлялась Жаргалма, слышались песни и смех. Любая работа спорилась в ее сноровистых маленьких руках: она умела и сварить крепкую архи, и приготовить нежный саламат, и сочное мясо. Умела прясть и шить шелковые халаты. Умела выделывать шкуры и кожи так, что на ощупь они были мягче этого шелка. Правда, сама она носила простую одежду, не расшитую ни жемчугом, ни кораллами. Но ярче драгоценных камней светило красотою ее милое, всегда приветливое лицо.

Песня Жаргалмы

Золотистой яркой рыбой
Солнце нежится в волнах.
Если б только мы могли бы
Так же плавать в небесах!..

Вновь зовет к работе утро,
Только счастье – не в деньгах:
В мыслях чистых, в сердце мудром
И в натруженных руках.

А когда наступит вечер,
Мой любимый, будь со мной.
Обними меня за плечи,

И не жди судьбы иной!..

Многие парни отдали бы любые богатства за то, чтоб назвать ее своей. Идет Жаргалма по селенью, корову прутиком подгоняет – редко кто из встречных не замолчит да не заглядится ей вслед.

– Жаргалма, – закричит иной зубоскал. – Эй, Жаргалма! Выходи за меня – подарю твоему отцу пять таких коров!

Да только тут же пихнут локтем в бок остряка его же дружки, так, что поперхнется он шуткой. А пока он поправляет сползшую на глаза шапку, расскажут, галдя наперебой:

– Ты что! Не знаешь! Да наша Жаргалма не променяет своего Аюра и на десять коров...

– Аюра-то? Этого бедолагу-охотника?

– Так ведь он тем летом спас ей жизнь!

– Вот-вот, она побежала встречать отца да и упала прямо в море...

– А волны тогда были, выше сосен!...

– Но он таки кинулся прямо в пучину, и вытащил ее, когда уж почти потонула!

– Ну, ясное дело, разглядел нашу красотку да и пошел к старому Тугуту свататься...

– А тот тоже не дурак, куда тебе, говорит, голодранец!

– Ну да как увидал, какого зверя Аюр добывает, позабыл про такие слова...

– Только, говорят, свадебный подарок потребовал – пять раз по десять лисьих шкурок и десять раз по пять – песцовых.

– Аюр-то тогда ж и уехал за перевал, там песка, как здесь сусликов!...

– Да уж набил, поди, и лис тоже...

– А вернется – тут и свадьбу сыграют. Так что не про нас с тобой Жаргалма!

А девушка ничего не скажет. Усмехнется про себя и пойдет своей дорогой.

Конечно, старый Тугут, как все отцы на свете, мечтал,

чтоб жизнь дочери после свадьбы стала полной чашей. И сам он звонкую монету любил, хотя и ходил с дырой в кармане! Но когда спас Аюр дочь, уже начинавшую тонуть, старый рыбак больше не противился свадьбе. Долгую зиму охотился Аюр на песка и лису, мечтая о том, как поставят они с Жаргалмой свою юрту, как весной, лишь только расцветут первые подснежники, сыграют свадьбу.

А пока влюбленные встречались только на людях, водили на поляне за селением вместе с другими парнями и девушками хоровод-ёхор, и только Жаргалма знала, как крепко, но нежно может сжимать рука Аюра ее пальцы.

Глава 4.

Едва загорелась на небе заря четвертого утра, Хархан приказал слуге собрать в его шатре мудрецов. Тяжелые мысли по-прежнему одолевали хана. Мрачный, как туча осенью, сидел он на расшитых китайских подушках, когда отодвинулся узорчатый полог, и в шатер, низко согнувшись в знак почтения, вошли четверо мудрецов. Следом за ними вошел и советник Сундалат.

– Великий Хан, мудрецы готовы дать ответ на твой вопрос, – молвил он, кланяясь еще ниже.

– Я жду вашего слова, – кивнул Хархан головой в знак милости.

Старший из мудрецов поднялся с колен и, задумчиво пропустил сквозь пальцы седую прядь шелковистой бороды.

– Великий Хан! – проговорил он тихо. – Три дня и три ночи мы искали решение. Мы бросали в костер лопатку барана-трехлетка и смотрели на его внутренности. Мы били в бубен и жгли траву ая-гангу, советуясь с предками. Предки сказали нам: жизнь земная на небе да получит продолжение думами живущих на земле.

– Истинное блаженство ждет в заоблачном краю того, память о ком не истлеет вместе с его костями, – поднял костлявый палец второй мудрец.

– Так сказали нам предки, – проблеял тоненько третий.

Мудрецы поднялись, поклонились и вышли из шатра.

Весь день думал Хархан о сказанном стариками. Вечер вновь застал его на валуне у коновязи. Как же быть, ломал голову хан. Много славных дел совершил он, но завтра родятся новые воины, подвиги которых затмят его. Земли, завоеванные им, захватят враги. Жены изменят, а дети вырастут и

состарятся, как и он сам... Как оставить о себе прочную славу, как? Ему стало душно от безысходности, и он невольно рванул золотую застежку, скрепляющую ворот халата. Мягкий металл сломался под его пальцами, поранив руку.

– Стой, а ну, держи ее! Не пускайте ее! – резкий крик раздался вдруг откуда-то сбоку и в ту же секунду под ноги хану кинулся какой-то большой серый клубок, так что от неожиданности Хархан отпрянул в сторону. А человек, упавший на землю, вдруг кинулся целовать носы его запыленных сапог...

Хархан властно повел рукой, отстраняя подступавших стражников. Человек поднял голову. Это была старая женщина, по ее изможденному морщинистому лицу котились слезы. Серые пряди серыми косицами падали на щеки. Одежда была худой и изорванной.

– О чем твои слезы, мать? – спросил Хархан, – Говори! Твой Хан слушает тебя.

– О Хан, – заплакала старуха еще горше. – Я вдова твоего сотника Мэргена, пятнадцать лет он сражался за тебя, а пять лет назад погиб. Его родичи обманом отняли мой скот, я одна скитаюсь по степи с детьми, питаюсь подаянием... Мой младший сын умер вчера, второй скоро пойдет за ним. Сми-

луйся, хан, защити сироту!

– Встань, женщина, – протянул Хархан с досадой. Его оторвали от важных размышлений ради такого пустяка! – Встань, – повторил он уже более ласково. – Я помню твоего мужа. Он был храбрым воином, и вдова его не должна голодать. Я накажу нечествицев. А пока утри слезы. Горе твое – ничто подле горя, лежащего на сердце твоего Хана... Возьми хоть вот это.

И Хархан протянул старухе сломанную золотую застёжку. Дрожавшие пальцы схватили украшение и сжали его.

– Хан, – пролепетала несчастная, прижимая побрякушку к груди. – Но это слишком много, хан... На это мы с детьми сможем прожить целый год... Мы твои рабы и не достойны такой милости...

– Вздор, – крикнул Хархан. Разговор со вдовой сотника уже наскучил ему. – Бери золото и уходи.

Старуху подхватили под мышки стражники и поволокли прочь, все же не слишком грубо. А та еще долго оборачивалась и кричала:

– Спасибо тебе, о могучий! Да продлит вечное синее небо

дни твои на земле, да будешь ты благословен вечно! Я прикажу детям молиться за тебя! Мы никогда не забудем твоего имени!..

Глава 5.

Доржо перекувыркнулся через голову. Потом еще раз и еще.

-Деда-а! – крикнул он. – Смотри-ка, как я могу! А твой хан так, поди, не мог. Куда ему, старому!..

– Не больно-то ты любезен, внучек, – проворчал старый суслик, потирая занемевшую поясницу. – У каждого возраста – свой мед...

Доржо не слушал деда, продолжая кувыркаться в пыли, пока не скатился в колючий куст.

– Ой-ей-ей! – запричитал он, прыгая на одной ножке. В подошву второй впилась колючка.

– Скачи сюда, непоседа, – ласково усмехнулся дедушка. – Был бы ты поумнее, осмотрелся бы, прежде чем лететь очертя голову.

– Ну, вооот, уже дураком ругаешь, – протянул обиженный Доржо, глядя, как дед достает занозу.

– Не дурак ты, а просто мал еще. Я же говорю: у каждого возраста – свой мед. У юности горячие силы кипят в крови. А немощная старость утешается тем, что смотри наперед и все знает.

– И хан Хархан смотрел?

– Смотрел, а как же. Вот только не то он увидел...

***

– Отчего Господин сегодня не весел со мной?.. – тихо спросила Туяя, самая красивая из молодых наложниц Хархана. – Я ласкаю тебя своим сердцем, а ты и не смотришь в мою сторону. Хочешь, я спою или станцую для тебя?..

– Не надо, Туяя, – покачал головой хан. – Ничего не радует меня.

– Ничего? А взгляни-ка на меня, я надела убор, что ты привез мне из Китая... Или я больше не радую твоих взоров?

Хархан поднял глаза. Шею, грудь и запястья девушки по-

крывали изысканные золотые украшения, они блестели, переливались, мелодично позванивали. Туяа поднялась с колен, взяла в руки моринхур и принялась петь, подыгрывая себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.